

Глава 13. Названные братья

На следующий день, едва забрезжил рассвет, Ваньянь Кан уже был на ногах, готовясь отдать приказ к выступлению. К своему удивлению, он обнаружил Хуачжэн — маленькая принцесса крутилась возле его шатра, явно что-то высматривая.

Он невольно улыбнулся и подошёл к ней.

— Хуачжэн? Что ты здесь делаешь в такой час?

Вздвигнув от неожиданности, девочка обернулась. Увидев, что это Ваньянь Кан, она с облегчением выдохнула и заговорила, изо всех сил стараясь понизить голос:

— Тише! Только бы четвёртый брат меня не заметил, а то не возьмёт с собой гулять.

Кан счёл это забавным.

— Хорошо, я не выдам тебя. Но скажи, почему тебе так важно увязаться за Толуем?

Хуачжэн ответила без тени раздумий, она открыто улыбнулась:

— Потому что только с ним меня отпускают из лагеря!

«Просто и логично», — подумал Кан. Вот только девочка, боясь разоблачения, не следила за громкостью голоса. С такой «конспирацией» её точно скоро обнаружат.

— Что ж, тогда желаю тебе удачной прогулки.

Он уже собирался вернуться в шатёр, когда Хуачжэн вдруг нахмурилась и потянула его за рукав, не принимая отказов.

— Кан-гэ, пойдём с нами! Пойдём погуляем вместе!

Ваньянь Кан лишь вздохнул. С детьми он ладил плохо, особенно с такими непосредственными. Однако, взглянув на небо, он понял, что время ещё есть. Сбором войск должен заниматься отец, да и нынешние отряды Цзинь сильно отличались от тех, что были в оригинальной истории: за три года муштры они приучились строиться точно в срок даже без приказа.

«Ладно, почему бы и нет», — улыбнулся он.

Кан владел искусством лёгкости в совершенстве. Даже не прикладывая особых усилий, он скользил по земле совершенно бесшумно. Хуачжэн, заметив это, из чистого упрямства тоже постаралась ступать как можно тише. Так, вдвоём, они незаметно последовали за Толуем к берегу небольшой реки.

Там, помимо Толуя, находился ещё один мальчик лет пяти-шести. Кан видел его лишь однажды, но узнал мгновенно. Это был Го Цзин. В памяти всплыл эпизод, который он почти забыл из-за его незначительности в общем сюжете.

Хуачжэн замерла, во все глаза наблюдая за тем, как мальчики на берегу проводят обряд побратимства.

— Ты так стремишься сюда только ради того, чтобы посмотреть, как они становятся андами? — негромко спросил Ваньянь Кан.

— Вовсе нет, — Хуачжэн надулась, но в её взгляде читалась искренняя надежда. — Но это... это так здорово. Я тоже хочу стать андой. С тобой, Кан-гэ.

Ваньянь Кан улыбнулся.

— Я не слишком силён в тонкостях ваших обычаев, но если ты хочешь стать мне названной сестрой — я только за.

В оригинальном романе «анда» означало побратимство между мужчинами, и как этот обряд проводился у девочек, он точно не знал. Но Хуачжэн, получив желанный ответ, едва не запрыгнула от радости. Будто боясь, что он передумает, она тут же сорвала с пояса кинжал и протянула ему.

— Вот! Это мой подарок в честь союза анд.

Кан был знатоком оружия. Едва взглянув на кинжал, он заметил его необычайную остроту и холодный блеск, свойственный лишь редким артефактам. Он озадачился: в оригинале не упоминалось, что у Хуачжэн было нечто подобное. Да и четырёхлетнему ребёнку носить такую опасную вещь было рановато.

— Этот... ты уверена, что его можно дарить? — засомневался он.

— Конечно! Его дал мне отец-хан, а значит, я могу отдать его тому, кому захочу.

Считалось, что при побратимстве нельзя скупиться на подарки. Раз это её вещь, придётся принять. Вздохнув про себя — он не любил принимать слишком дорогие подношения, — Кан достал свой короткий меч. Тот тоже был превосходнойковки, но всё же не являлся легендарным сокровищем.

— Это мой подарок. А кинжал... если твой отец будет против, мы можем обменяться обратно, — добавил он для страховки.

Хуачжэн, сияя, прижала меч к груди.

— Отец не будет против! С этого дня мы официально анды, Кан-гэ!

Ваньянь Кан лишь покачал головой. Это был всего лишь обряд, не стоило так радоваться. В истории Го Цзин и Толуй тоже стали андами, но позже это не помешало им сражаться друг против друга, а между ними всегда оставалась пропасть.

Толуй, заметив сестру, не на шутку испугался. Он и представить не мог, что она сумеет незаметно проследить за ним так далеко. Обычно он обнаруживал её хвост сразу, но в этот раз, видимо, слишком увлёкся разговором с Го Цзином. «Если отец узнает о моей оплошности, мне несдобровать», — сокрушённо подумал он.

Го Цзин смотрел на Ваньянь Кана. Он смотрел ещё враждебнее, чем вчера. Вернувшись в шатёр после первой встречи, он поделился сомнениями с матерью, и Ли Пин всю ночь рассказывала ему истории о жестокости людей Цзинь. Теперь Го Цзин был твёрдо убеждён: все люди Цзинь — воплощение зла.

Ваньянь Кан почувствовал этот взгляд, но не придавал ему значения. Улыбнувшись, он велел Хуачжэн идти к брату, а сам решил уйти.

— Кан-гэ, ты не вернёшься с нами? — запнулась девочка, не желая отпускать его руку.

— Нет. К тому же ты ведь хотела погулять подольше, верно?

Хуачжэн кивнула и неохотно разжала пальцы, провожая его взглядом, пока он не скрылся из виду.

Благодаря технике лёгкости Ваньянь Кан в мгновение ока добрался до лагеря. Солнце ещё не взошло, но воины Цзинь под началом его отца уже выстроились. Монгольские отряды тоже завершали сборы. Кан невольно отметил про себя, что его солдаты не уступают кочевникам — три года упорных тренировок приучили их быть лучшими во всём.

Армия монголов действительно впечатляла. Даже если не знать историю, одного взгляда на этих крепких воинов и их железную дисциплину хватало, чтобы понять: в будущем они легко сокрушат Цзинь и дойдут до самой Европы.

Он посмотрел на Тэмуджина. «Если бы нам не суждено было стать врагами, я бы искренне восхищался тобой», — подумал Кан. Но теперь оставалось только одно — состязаться. Он не мог позволить себе проиграть, ведь на кону стояли жизни его близких.

Понимая, что разговор Тэмуджина с Мухали, описанный в романе, в этой реальности вряд ли повторится, Кан открыто подошёл к великому хану.

— Великий хан, Толуй и Го Цзин сейчас на берегу реки, они стали андами. Скоро вернутся, так что не беспокойтесь о них.

Тэмуджин только сейчас заметил, что лошадь младшего сына пуста. Он уже готов был вспыхнуть гневом, но, услышав объяснение маленького принца Цзинь, сдержался.

— Благодарю, принц, — коротко бросил он, подавляя раздражение.

— Не стоит благодарности, — улыбнулся Кан и вернулся к отцу.

Ваньянь Хунле посмотрел на сына с нескрываемой тревогой и вздохнул:

— Ты снова спал меньше двух страж?

— Просто ещё не привык к местному климату. Как вернёмся в Чжунду, я обязательно отосплюсь, — ответил Кан.

Это было лишь частью правды. За двадцать пять лет (учитывая обе жизни) он впервые так надолго покинул родные края. И хотя Чжунду тринадцатого века сильно отличался от Пекина будущего, это всё же была его земля, куда более привычная, чем суровая пустыня. Но истинная причина его бодрости крылась в другом.

Хунле нахмурился, не слишком поверив оправданию:

— Если тебе здесь не по душе, зачем же было так стремиться сюда?

Ваньянь Кан посмотрел на бескрайние просторы степи, и в его улыбке промелькнул азарт.

— Потому что здесь есть вещи, на которые я хочу взглянуть сам... и те, что я хочу показать другим.

— Когда вернёмся, забудь о делах и отдыхай. И не вздумай снова оправдываться тем, что внутренняя сила заменяет тебе сон.

Кан послушно кивнул, не вступая в спор. Он знал, как тяжело отцу: помимо государственных дел, тот постоянно пёкся о его здоровье. Несмотря на успехи в боевых искусствах и накопленную внутреннюю энергию, физически Кан оставался довольно слабым.

«Странно, — размышлял он. — В оригинале у Ваньянь Кана не было такой хилости. Неужели это побочный эффект от внутреннего метода школы Цюаньчжэнь?»

<http://bllate.org/book/17543/1702887>